

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ.

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО
ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1830.

Съ дозволенія Правительсва.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О рус!

Hor.

О Русь!

ЕВГЕНІЙ ОНѢГИНЪ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгенийъ,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословишь бы Небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ песпрѣли и цвѣли

Луга и нивы золошья,
Мелькали села здѣсь и шамь,
Спада бродили по лугамь,
И сѣни разширяль густыя
Огромный, запущенный садь,
Пріюсть задумчивыхъ Дріадь.

II.

Почтенный замокъ былъ построень,
Какъ замки строишья должны:
Ошмѣнно прочень и спокоень
Во вкусъ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостинной шпофные обои,
Портрешы дѣдовъ на стѣнахъ,
И печи въ песшрыхъ изразцахъ.
Все эшо нынѣ обвешшало,
Не знаю право почему:

Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
За шѣмъ, что онъ равно зѣваль
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожиль
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смошрѣлъ и мухъ давилъ.
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, споль, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пяпнышка чернилъ.
Онѣгинъ шкафы ошворилъ:
Въ одномъ нашель шепрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый спрой,
Кувшины съ яблочной водой,
И календарь осьмага года;

Спарикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ инныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгеній
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины спаринной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ;
Мужикъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ эпомъ спрашный вредъ,
Его расчепливый сосѣдъ.
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ:
Что онъ опасѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всё къ нему ѡзжали;
 Но пакъ какъ съ задняго крыльца
 Обыкновенно подавали
 Ему Донскаго жеребца,
 Лишь шолько вдоль большой дороги
 Завидяшь ихъ домашни дроги,
 Поступкомъ оскорблясь такимъ
 Всё дружбу прекрашили съ нимъ.
 « Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродишь,
 « Онъ фармазонъ; онъ пьеть одно
 « Спаканомъ красное вино,
 « Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
 « Все да, да *нѣтъ*; не скажешь да-съ
 « Иль *нѣтъ-съ*.» Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ шуже пору
 Помѣщикъ новый прискакалъ,

И споль же спрогому разбору
 Въ сосѣдствѣ поводи подавалъ.
 По имени Владимиръ Ленскій,
 Душой Филишерь Гешшингенскій,
 Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Поклонникъ Канша и поэтъ,
 Онъ изъ Германіи шуманной
 Привезъ учености плоды:
 Вольнолюбивыя мечпы,
 Духъ пылкій и довольно спранный,
 Всегда воспорженную рѣчь
 И кудри черныя до плечь.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
 Еще увянуть не успѣвъ,
 Его душа была согрѣта
 Привѣщомъ друга, лаской дѣвъ.

Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда ;
Его лелѣяла надежда ,
И міра новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечшою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой ;
Надъ ней онъ голову ломаль
И чудеса подозрѣваль.

VIII.

Онъ вѣрилъ , что душа родная
Соединиться съ нимъ должна ,
Что , безосрадно изнывая ,
Его вседневно ждешь она ;
Онъ вѣрилъ , что друзья готовы
За честь его принять оковы ,

И что не дрогнешь ихъ рука
Разбитьъ сосудъ клеветника.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь,
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой спраншвовалъ на свѣшѣ;
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ.

И Музь возвышенныхъ искусства,
Щаспливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственнѣйшей мечты
И прелесть важной проснопы.

Х.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы просподушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня шайнь и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и шуманну даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,

Гдѣ долго въ лоно пишины
Лились его живыя слёзы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынь, гдѣ одинъ Евгений
Могъ оцѣнить его дары,
Господь соедственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно не блискала ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнѣмъ,
Ни оспропою, ни умомъ,
Ни общежитіямъ искусствомъ;

Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ;
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурускаго сосѣда;
Взойдешь ли онъ — шопъ часъ бесѣда
Заводишь слово спороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовушь сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаешь чай,
Ей шепчешь: Дуня, примѣчай;
Пошомъ приносяшь и гипару:
И запищитъ она (Богъ мой!)
Приди въ тертогъ ко мнѣ златой.

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,
Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покороче свессть.
Они сошлись: волна и камень,
Спихи и проза, ледъ и пламень
Не споль различны межъ собой.
Сперва взаимной разнотой
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Съѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро спали неразлучны.
Такъ люди, первый каюсь я,
Опъ дѣлать нечего — друзья.

XIV.

Но дружбы нѣшь и шой межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами — себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ шварей милліоны
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноси́те многихъ былъ Евгеній;
Хоть онъ людей конечно зналъ
И вообще ихъ презиралъ,
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ,
И вчужь чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ еще въ сужденьяхъ зыбкой,
И вѣчно вдохновенный взоръ —

Онѣгину все было ново ;
Онѣ охладительное слово
Въ устахъ спарался удержашъ ,
И думалъ : глупо мнѣ мѣшашъ
Его минушному блаженству ;
И безъ меня пора придетъ ;
Пускай покамѣшъ онѣ живешъ
Да вѣришъ міра совершенству ;
Проспимъ горячкѣ юныхъ лѣшъ
И юный жаръ и юный бредъ .

XVI.

Межъ ними все раждало споры
И къ размышленію влекло :
Племеньъ минувшихъ договоры ,
Плоды наукъ , добро и зло ,
И предразсудки вѣковые ,
И гроба шайны роковыя ,

Судьба и жизнь въ свою чреду
Все подвергалось ихъ суду.
Поэшь въ жару своихъ суждений
Читалъ, забывшись, между шѣмъ
Отрывки сѣверныхъ поэшь;
И снисходительный Евгенийъ,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилѣжно юношѣ внималъ,

XVII.

Но чаще занимали спраспи
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ опъ ихъ мятежной власпи,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блажень, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ опъ нихъ опспалъ;
Блаженный пошь, кто ихъ не зналъ,

Кто охлаждалъ любовь разлукой,
 Вражду злословіемъ; порой
 Зъваль съ друзьями и женой,
 Ревнивой не превожась мукой,
 И дѣдовъ вѣрный капиталъ
 Коварной двойкѣ не вѣрлялъ!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
 Благоразумной пишины,
 Когда спрасшей угаснеть пламя,
 И намъ становятся смѣшны
 Ихъ своевольство, иль порывы
 И запоздалые отзывы —
 Смиранные не безъ шруда,
 Мы любимъ слушать иногда
 Спрасшей чужихъ языкъ мяшежный
 И намъ онъ сердце шевелишь;

Такъ почно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилѣжный
Расказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можешь ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость,
Она гопова разболшась.
Въ любви считаешься инвалидомъ,
Онѣгинь слушала съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэшь высказывала себя;
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ.
Евгеній безъ пруда узналъ
Его любви младую повѣсть,

Обильный чувствами рассказ
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любящъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любящъ осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечпанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнѣмъ огнемъ.

XXI.

Чуть опрокъ, Ольгою плененный,
 Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
 Онъ былъ свидѣтель умиленный
 Ея младенческихъ забавъ;
 Въ пѣни хранишельной дубравы
 Онъ раздѣлялъ ея забавы,
 И дѣшамъ прочили вѣнцы
 Друзья-сосѣди, ихъ опцы.
 Въ глуши, подъ сѣнію смиренной,
 Невинной прелести полна,
 Въ глазахъ родителей, она
 Цвѣла какъ ландышь похаенный,
 Незнаемый въ правѣ глухой,
 Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
 Младыхъ восшорговъ первый сонъ,

И мысль объ ней одушевила
Его цѣвницы первый спонь.
Проспите, игры золотыя!
Онъ роци полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну,
Луну, небесную лампаду,
Копорой посвящали мы
Прогулки средь вечерней шмы,
И слезы, шайныхъ мукъ опраду....
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну шускыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ упрю весела,
Какъ жизнь поэта просподушна,
Какъ поцѣлуй любви мила,

Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій спань,
Все въ Ольгѣ..... но любой романъ
Возмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень миль;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, чашапель мой,
Занявшись старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Ташьяна.
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освяшимъ.
И чпожь? оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно

***

Воспомяненье старины
Иль дѣвичьей. Мы все должны
Признаться, вкуса очень мало
У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о сшихахъ);
Намъ просвѣщенье не приспало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство — больше ничего.

XXV.

И такъ она звалась Татьянаю.
Ни красотою сестры своей,
Ни свѣжестью ея румяною,
Не привлекала она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.

Она ласкашья не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ полнѣ дѣшеѣ
Играшья и прыгашья не хотѣла,
И часпо, цѣлый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Ошья самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечнями украшала ей.
Ея изпѣженныя пальцы
Не знали игль; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полошна.
Охопы власпвовашья примѣша:
Сь послушной куклою, дитя

Пригопоявляется шупя
Къ приличію, закону свѣша,
И важно повпоряешъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

Но куклы, даже въ эти годы,
Ташьяна въ руки не брала;
Про вѣспи города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды; спрашные рассказы
Зимою, въ темнопѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкій лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,

Ей скучень былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтреныхъ ушѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣплетъ,
И вѣспникъ утра, въшеръ вѣшь,
И всходишь поспешенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долъ обладаетъ,
И долъ въ празднои тишинѣ,
При опуманенной лунѣ,
Воспокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюбилась въ обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отецъ ее былъ добрый малый,
Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый;
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не чиняя никогда,
Ихъ почипалъ пустою игрушкой,
И не забошлся о шомъ,
Какой у дочки шайный шомъ
Дремалъ до ушра подъ подушкой.
Жена жъ его была сама
Ошь Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона,
Не пошому, чшобы прочла,

Не пошому, чшобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но въ спарину, княжна Алина,
Ея Московская кузина,
Твердила часшо ей обь нихъ.
Въ шо время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по неволь;
Она вздыхала о другомъ,
Кшорый сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болъ;
Сей Грандисонъ былъ славный франшъ,
Игрокъ и гвардіи сержаншъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣша,
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣша
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.

И чѣмъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чужь не развелась;
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна спала.
Привычка свѣше намъ дана:
Замѣна счастію она.

XXXII.

Привычка усладила горе
Неопразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла шайну, какъ супругомъ

Единовласно управлять ,
 И все шогда пошло на спашь .
 Она ѣжала по работамъ ,
 Солила на зиму грибы ,
 Вела расходы , брила лбы ,
 Ходила въ баню по субботамъ ,
 Служанокъ била осердясь —
 Все это мужа не спросясь .

XXXIII.

Бывало , писывала кровью
 Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ ,
 Звала Полиною Прасковью ,
 И говорила на распѣвъ ;
 Корсетъ носила очень узкій ,
 И Руской Н какъ Н Французскій
 Произносить умѣла въ носъ ;
 Но скоро все перевелось :

Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Спишковъ чувствительныхъ пешрадь
Она забыла — спала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконецъ
На вашъ шлафоръ и чепець.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ея заштѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровала безопасно,
А самъ въ халапѣ ѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его капилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И пошужишь и позлословить,
И посмѣяшься кой о чемъ.

Проходишь время; между шѣмъ
Прикажешь Ольгѣ чай готовить;
Тамъ ужинь, шамъ и спать пора,
И гости ѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой спарины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились Рускіе блины.

Имъ квасъ, какъ воздухъ былъ пошребень,

И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они спарѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣшьями и вѣрною женой,
Чистоеердечный чѣмъ иной.
Онъ былъ проспой и добрый баришь,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежишь,
Надгробный памятникъ гласишь:
Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
 Владимірь Ленскій посвѣтилъ
 Сосѣда памятникъ смиренный,
 И вздохъ онъ пеплу посвящилъ;
 И долго сердцу грустно было.
 « *Poor Yorick!* молвилъ онъ уныло,
 « Онъ на рукахъ меня держалъ.
 « Какъ часпо въ дѣшспвѣ я игралъ
 « Его Очаковской медалью!
 « Онъ Ольгу прочилъ за меня,
 « Онъ говорилъ: дождусь ли дня?... »
 И полный искренней печалью,
 Владимірь шутъ же начерпалъ
 Ему надгробный мадригаль.

XXXVIII.

И шамъ же надписью печальной
 Опца и машери, въ слезахъ,

Почпиль онъ прахъ патріархальной...
Увы! на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жашвой, поколѣнья,
По шайной волѣ Провидѣнья,
Восходящъ, зрѣющъ и падушъ;
Другія имъ во слѣдъ идущъ...
Такъ наше въспренное племя
Распешъ, волнуешся, кипищъ
И къ гробу прадедовъ пѣснищъ.
Придешъ, придешъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра выпѣсннщъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣспъ упивайшесь ею,
Сей легкой жизнию, друзья!
Ея ничпожностъ разумью,
И мало къ ней привязанъ я;

Для призраковъ закрыль я вѣжды;
Но опдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣннаго слѣда
Мнѣ было бѣ грустно мѣръ оставишь.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XL.

И чье нибудь оное сердце пронеть;
И сохраненная судьбой,
Быть можеть, въ Лестѣ не пошонеть
Спрофа слагаемая мной;
Быть можеть, (лесная надежда!)
Укажеть будущій невѣжда

На мой прославленный портретъ,
И молвишь: то-шо былъ Поэшь!
Примижь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранишь
Мои лепучія шворенья,
Чья благосклонная рука
Попредесть лавры старика!

